

Изольда БАУМГЕРТНЕР / Isolde BAUMGÄRTNER
(1961–2019)

Из книги «РАФАИЛ»

Перевод с немецкого Ф. Чечика, Ю. Лариной

В 91 году, чудом оказавшись на стажировке в институте славистики в кёльнском университете, я познакомился и подружился с удивительным человеком – Изольдой Баумгертнер.

В те годы она была правой рукой знаменитого слависта В. Казака и под его руководством работала над русским вариантом «Лексикона» (энциклопедией русской литературы XX века), а я, как стажёр, выполнял рутинную работу, выискивая опечатки и стилистические погрешности в этой книге.

Кроме того что мы с Изольдой были ровесниками – нас сблизила любовь к русской поэзии, и в первую очередь – к поэзии И. Бродского.

Она переводила стихи нобелевского лауреата на немецкий и писала о нём диссертацию, впоследствии вышедшую отдельным изданием (Wasserzeichen. Zeit und Sprache im lyrischen Werk Iosif Brodskijs. Böhlau Verlag Köln, Weimar, Wien, 2007).

«Впоследствии» заняло ни много ни мало – почти двадцать лет, что лишний раз подтверждает основательность и трепетность её отношения к поэту. Я, конечно, догадывался, что Изольда и сама пишет стихи, но на все мои просьбы: «прочесть что-нибудь из себя», – она всегда отвечала улыбкой.

Спустя годы, в возрасте пятидесяти шести лет, у неё вышла первая книга стихотворений (Raphael. Gedichte. Mnemosina-Domisdat, Köln, 2017).

В своём предисловии к книге она написала: «...Во времена, когда стихи больше пишут, нежели читают, даже такая маленькая книжка (90 страниц, из них треть – переводы. – Ф. Ч.) кажется самонадеянностью. Эти немногие сочинения, как дневные и ночные бабочки, выпущены из сачка на волю, чтобы, может быть, чуть дольше – какое-то мгновение – попорхать на солнечной лесной поляне. Они посвящены людям, которые мне дороги, – с кем дружба неразрывна, с кем связаны мысленно, через расстояния».

Спасибо тебе, дорогой друг! Наша дружба неразрывна, а мысли связаны навсегда, через расстояние и время!

Феликс Чечик

Летний дождь

Л. К.

Был, как глаза ребёнка, этот день,
а нити солнца – золотоволосы.
И стариковско-детские вопросы
душа не задавала, прячась в тень.

Все эти «почему» – сошли на нет,
оставив привкус счастья и незнания.
И плыли облака-воспоминанья,
как бархат персика и августовский свет.

Кошмар Иакова

Е. Ч.

Я бился с ангелом? Нет-нет, с самим собой!

И проиграл, как будущему горы.
И падший духом и едва живой
иду, жуя коренья мандрагоры.

Вокруг одни пески, и Ханаан
растаял, как мираж и сновиденье.
И первородства горестный обман,
как с лестницы ужасное паденье.

Один на целом свете навсегда,
такая тьма вокруг: ни звёзд, ни солнца.
И лишь во сне бредут мои стада
и лишь во сне моя Рахиль смеётся.

От жажды умираю и тоски
и сердце разрывается от страха.
Пески, пески, пески, пески, пески
безмолвно шепчут: — Это сын Ицхака.

Из цикла «Рафаил»

Товит и Анна

В огонь очага, молча уставились
слепой и Анна, его жена. Круговерть дня
вращается медленнее. Вечер.
Ни шума, ни суеты на улицах.
Лишь медленный сумрак,
как шахтёр спускается к молчащим
пластам.
Отбойный молоток высекает имя —
слог за слогом; шершавые руки
смочены сукровицей,
несущей чёрную пыль из раны.
Откуда-то вдруг — просвет
или протыма; не понять:
день вновь берёт начало там,
где только что закончилась ночь.

Надо принести хворост и воду.
Загрубевшими жёлтыми ступнями
шаркает она к колодцу.
Её взгляд ползёт по дороге
вверх и, передохнув у горизонта,
останавливается:
силуэт — ветви деревьев,
словно тонкие пальцы, устремлены в пустоту.
Она медленно спускается по дороге,
касаясь крыш, заборов, свернувшихся
клубком собак — к колодцу.
Тяжела вода.

Она возвращается домой,
где слепой по-прежнему смотрит на огонь, –
слеп, как все, неподвижно смотрящие на огонь.
Он слышит льющуюся из ведра воду.
Ощущает дыхание Анны – слабое,
как её рука, которая ложится на его плечо,
слышит, как захлопывается дверца печи
и треск становится громче,
слышит крик глашатая и дальний звон колоколов.
Его трясёт, как дитя в лихорадке, при смене
постельного белья. Порыв ветра из окна
охлаждает пылающее лицо.
Проникая во все щели, шумит тьма –
вечный свет, сулящий надежду и возвращение.

Товия, её сын и отрада, – далеко.
Время – измеряется не в месяцах и годах,
а количеством седых волос и безмолвием
уст матери.

Наступающее утро начинает говорить скрипом колёс,
лаем собак и руганью уличных торговков.
Слепой, прислушиваясь, слышит
октавы ветра, приходящие и уходящие
без вести о сыне.
Он дует, где ему заблагорассудится:
гонит по полю листву или бросает горсть
мелкозернистого жёлтого песка
в глаза и песочные часы.

Пока соборный город за ночь
не постарел, как белый лунь,
от снегопада и покамест
не показалась тьма
в конце туннеля –
я поплыву без остановки
по Рейну, что оглох от шума,
а значит и мои проклятья
ему, конечно, не слышны.
Зато он вспомнит размазанный отпечаток
сложенных бантиком губ:
мимолётный черничный поцелуй.

Перевод Ф. Чечика

Хроматика осени

Небеса свирепы, серы и блеклы.
Каждый ангел – Писающий мальчик.
С каждой кровли, дерева, ограды
капает и льёт. Всё бурлит и бушует.
Один человек похож на другого
без зонтика: мокрый пёс.
а рядом с ним – лица дамы и господина,
а под ними – мокрые комья глины
с полинявшими красками.
Тот, кто сможет держать эти тучи –
беспреданно клубящиеся,
у того плечи и мускулы из металла.
Но я говорю: прекращай
держаться над головой мешки с картошкой.
Когда небо решит
низвергнуться,
пусть оно рухнет
с невероятным плеском.

Маленькая ода роялю

R. J.

Чёрно-белыми зубами
ты вытащил меня из египетской ночи,
как сука щенка.
В конусе света латунной лампы:
книги, ваза для цветов –
ты и я – натюрморт.

Нежные, как ушные раковины, акварели:
девушки с дивными косами на берегу,
весенние песни, чай с рисом,
парчовая тишина в церкви
и пёстрые солнечные блики на мраморе
или тёмные тучи Средневековья,
танец в деревянных башмаках,
прыжки акробатов
и кроткое лицо леди Зелёные Рукава,
увы, с длинным, острым носом.

Все тайны человеческого сердца
гибнут,
когда на виноцветном море
бушует ураган –
бесконечное к бесконечному.
Но как же тебе легко удалось
запрячь эолийские паруса
в мою печаль – мои мечты.

Парк Блюхера¹

Громовой вал автобана,
шлейф пота бегунов
и их пыхтенье: неопишимо.
Осеннее воскресенье: пруд,
оперение лебедей,
насыщенные декокраски.
Первое причастие
обитателей Земли
в колясках.
Спущенная с поводка собака –
некий Йокль –
на утиной охоте.
И вновь возникло
забытое чувство:
бездомность,
пустующие скамейки,
вместо писем –
рекламные проспекты
и низкий градус Эксле
в жилах у того,
кто неумоимо
даёт дням тянуться, как облака.

Перевод Ю. Лариной

¹ Парк в Кёльне, возникший в начале XX века и названный в честь фельдмаршала Гебхарда фон Блюхера.